

Ольга Ермакова

НОВЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ И ДРУГИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX ВЕКА¹

0. Введение

Постперестроечный период - начало и конец 90-х годов характеризуется удивительной динамичностью изменений в языке под воздействием общественных событий. Некоторые процессы, обусловленные в первые годы перестройки заметно возросшим в то время интересом к политике в разных категориях социума, уже неактуальны в конце 90-х годов.

В последние десятилетия появилось много исследований, посвящённых языку «перестройки» и постперестроечного периода, в том числе и изменениям в области лексики (см. библиографию).

В статье будут рассмотрены те семантические процессы, которые прежде всего характерны для языка последних десятилетий XX века, и прокомментированы некоторые уже отмечавшиеся с точки зрения их актуальности в настоящее время.

В частности: в какой мере можно говорить о деидеологизации лексики, в каких тематических группах происходит перераспределение активности прямых и переносных значений, как происходит семантическое освоение жаргонизмов.

В настоящее время в сфере лексической семантики действуют противоположенные тенденции: архаизация значений - деархаизация; «криминализация» лексики - декриминализация; расширение - сужение; утрата денотата - обретение нового и т.д. Но при этом в определённых тематических группах эти тенденции имеют разную активность. Основные семантические изменения происходят либо при смене стилевых регистров, либо при интеграции литературной и нелитературной лексики. Одни и те же социальные причины вызывают активизацию одних явлений и затухание других.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Русский язык на рубеже веков: активные процессы», финансируемого РФФИ (грант № 01 - 06 - 80234).

1. Семантические оппозиции как отражение жизни российского общества в последние десятилетия XX века

Социальные изменения, находящие отражение в языке, как правило, способствуют разрушению старых семантических оппозиций и образованию новых. Изучение семантических оппозиций - один из продуктивных путей проникновения в сущность языковых изменений и социальных процессов, породивших эти изменения.

Показательны в этом отношении семантические оппозиции местоимений, которые последовательно выстраивались в официальной печати советского времени: *я - мы, мы - они, наши - не наши, свой - чужой, здесь - там* и др. (Крысин 1989, 59; Markowski 1992, 146; Купина 1995, 69, 91; Ермакова 1997, 145-153), а также разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой, в частности, семантические оппозиции слов *коммунист - демократ, коммунист - большевик, демократ - патриот, левый - правый* в постсоветский период (Ермакова 1996, 60-63).

Здесь будут рассмотрены некоторые семантические оппозиции преимущественно в группе имён лиц. Известно, что антропоцентричность языка предопределяет особое положение имён лиц. Они всегда находятся в центре системы языка и внимания говорящих. Поэтому изменение семантических оппозиций в сфере имён лиц даже в небольшом участке языкового пространства могут представить некоторые особенности состояния российского общества, в том числе и культурно-речевую ситуацию.

Актуальные в настоящее время семантические оппозиции отражают самые разные языковые и социальные процессы: нейтрализацию прежних стилевых контрастов, старое и новое идеологическое противостояние, «изоморфизм» властных и криминальных структур и другие.

В семантических оппозициях нередко обнаруживается, как слиты воедино социальные и языковые процессы. Так, активизация оппозиций некоторых имён лиц по признаку пола *боевик - боевичка; снайпер - снайперша; заказчик - заказчица* (о людях, заказавших убийство); *проститутка - проститут, депутат - депутатша, бизнесмен - бизнесменица, гувернёр - гувернантка* и даже «чайник» - «чайница» (о непрофессионалах за рулём машины, в жаргоне) - в определённых случаях свидетельствует о новых социальных явлениях в жизни российского общества и об усилении регулярности модификационных образований в языке.²

² В горах Чечни мне не раз доводилось чаёвничать с *боевичками*, на лбу которых красовалась зелёная повязка, говорившая о готовности принять смерть в бою наравне с мужчинами (Круг жизни, №9, 1988); *Депутат* из фракция СПС Маргарита Баржанова,

Семантические оппозиции позволяют увидеть и ту фоновую семантику (подчас целое семантическое поле), которая обусловила эту оппозицию, и нарождающиеся коннотации у противочленов (или одного из них) и ряд скрытых смыслов и аллюзий.

1.1. Существуют два типа оппозиций: тип А - Б и А - не-А (ср.: *журналист - читатель и бюджетник - не-бюджетник*). Остановлюсь сначала на оппозициях первого типа.

1.1.1. Оппозиция *человек - мужик - мужчина*

Освоение литературным языком жаргона отмечают все лингвисты, изучающие языковую ситуацию в России конца XX века. Взаимодействие кодифицированной речи со сферой просторечия, прежде всего в области семантики, протекает несколько менее активно, но тем не менее заметно. Приведу один пример.

Слово *мужик* в значении 'мужчина' в толковых словарях до сих пор сопровождается пометой 'прост.' (См. Ож. и Шв., 94). Однако оно всё чаще так употребляется в разговорной речи и публицистике в чисто номинативной функции, в качестве обращения и в составе предикативной группы. Ср. примеры из разговорной речи, телевидения, газет.

Идут два *мужика*... Стоят *мужики*, разговаривают... Подходит к ней один *мужик*... Характерно, что так начинаются многие анекдоты, которые печатает «Комсомольская правда»: ср. *Мужик* вызвал телемастера... *Мужик* приходит домой и... Встречаются два *мужика*... В бар заходит *мужик* с собакой... *Мужики*, что дарить будем женщинам? (КП, 6.03.2000); А теперь, *мужики*, четвёртый тост... (КП, 29.03.2000); А пока - насильственное внедрение в корку и подкорку: выбери меня! Одно слово: *мужики* на выданье. Есть ещё барышня, но я о *мужиках* [о выборах президента О.Е.] (КП, 4.03.2000); У меня наблюдается пара - мать и дочь,

которая работает с Шандыбиным в одном комитете, вспоминает, как на одной из думских вечеринок он читал стихи присутствовавшим *депутатам* (АиФ, 2, 2001); Деля приходит в бешеное негодование: - Да ты просто *проститут*! Ты мне противен («Звезда», 7, 2000); У друга в котельной живёт *проститут*. Его посещают клиенты с нестандартной сексуальностью (КП, 29, 01, 97); В отличие от Запада, где молодёжь обычно предлагает свои услуги в качестве бэби-ситтеров, т.е. нянь для маленьких детей..., наши юные леди претендуют на должность *гувернантки*. Само понятие «гувернантка» в советское время как-то подзабылось и воспринималось только как реалия безвозвратно ушедшей дореволюционной эпохи; Неслучайно возникшие недавно при некоторых учебных заведениях курсы *гувернёров* пользуются большим успехом (Курс жизни, 14, 1998); Увидев нашу *клоунессу*, заслуженный фонограммщик России чуть не потерял сознание (Экспресс-газета, №4, 2001).

которым, по их словам, вообще никто не нужен. Они любого *мужика* высмеют (КП, 14.12.99); Они [проводницы О.Е.] сказали, что сами помогут наши чашки. - Ну, это они, наверное, только *мужикам*. (Устн. речь. Говорят два доктора филологических наук). В непринуждённом диалоге вопрос о членах семьи мужского пола, по моим наблюдениям, при хорошем знакомстве, чаще содержит слово *мужики*, чем мужчины: - Как твои *мужики*? (это может быть муж и сын (сыновья), сын и брат, муж и зять и т.д.). В то же время, по отношению к одному лицу такой вопрос носителем литературного языка обычно не употребляются, особенно - вопрос о муже, так как другое просторечное значение слова *мужик* - 'муж' остаётся за пределами литературного языка.

Таким образом, в разговорной речи в чисто номинативной функции слово *мужик* составляет в настоящее время конкуренцию слову *мужчина*, как член оппозиции с разговорной окраской (но уже не просторечной).

Ещё более активно осваивается носителями литературного языка слово *мужик* в предикатной функции в составе именной группы - он - *хороший мужик* (*настоящий, замечательный*) и т.д. Это освоение в разговорной речи началось гораздо раньше номинативного употребления и сейчас только заметно активизировалось. Ср.: Я всегда считал, Игорь Николаевич, что ты *мужик с головой* (Ю.Трифонов, Исчезновение); Павел Иванович Никодимов... был его старый товарищ... *отличный мужик, честнейший и принципиальный до глупости* (Ю.Трифонов, Исчезновение); Писатель был средний и *мужик невыдающийся* (Ю.Трифонов, Время и место); - Он как раз из нашей с тобой Тамбовщины. *Добрейший мужик*. (В.Аксёнов, Московская сага). Во всех случаях говорят носители литературного языка. Ср. также более ранний пример имитации разговорной речи у Маяковского:

А Некрасов
 Коля,
 сын покойного Алёши, -
 он и в карты,
 он и в стих,
 и так
 нешлох на вид.

Знаете его?
 вот он
 мужик хороший.

(Маяковский, Юбилейное).

Ср. примеры из современной публицистики и устной речи.

- Если он хочет *быть настоящим мужиком*, главой семьи, пусть проявит инициативу (МК. Н-н-д, 23-30.12.99); Господин Глазунов [художник Илья Глазунов. О.Е.] не любит и не знает России. Вы любите в России барство. Когда вам сказали «Вы - *отличный мужик!*» - вы ответили: «Я не *мужик!* Я дворянин!» (КП, 14.1.2000). Во время предвыборной кампании В.В.Путина на телевидении многие женщины-актрисы высказывались о нём: *он - настоящий мужик*.

В предикатной функции слово *мужик* составляет оппозицию и слову *человек* и слову *мужчина*.

В оппозиции *человек - мужик* противопоставленность носит, во-первых, стилистический характер, кроме того, слово *мужик* соответствует семантике слова и *человек*, и *мужчина* и в разных ситуациях может быть ориентировано на оценку человеческих качеств лица и чисто мужских. В сравнении с ним и слово *человек*, и слово *мужчина* имеют некоторые ограничения в лексической сочетаемости. Так, говорят *он - настоящий мужчина* (*истинный* и *под.*), но в сочетании *хороший, замечательный, прекрасный, великолепный* (не в сексуальном смысле) предпочитается слово *человек*. В то же время *настоящий человек* (но не *истинный, подлинный*) «отдаёт» неуместным в разговорной речи высоким слогом. Слово *мужик* в предикативной функции обладает более свободной лексической сочетаемостью.

Разумеется, это не значит, что слово *мужик* и в разговорной речи может быть свободно употреблено по отношению к любому лицу. Вряд ли носителю литературного языка придёт в голову сказать: «*Академик Лихачёв был замечательный мужик!*». Сниженность предиката с опорным словом *мужик* проясняется при выборе объекта оценки. Мы лишь попытались показать, что во многих случаях это слово не чуждо носителям литературного языка и может составить конкуренцию таким именам лиц, как *мужчина* и *человек*.

1.1.2. *Человек - товарищ*

Известно, и отмечалось исследователями, что в постсоветское время слово *товарищ* деактуализировалось в функции обращения (или компонента обращения), и названия лица в официальных бумагах: *Товарищи! Товарищ Иванова! Товарищ председатель! Настоящая справка дана товарищу... и т.п.*

Устойчивыми номинациями были также в речи партийных работников сочетания *ответственные товарищи* и *руководящие товарищи*. Ср: - Вы что, в своём уме? - зашипел он. - В первом ряду - *ответственные товарищи*, секретарь обкома по пропаганде, а вы что?... Гостей называли, из

области приедут *руководящие товарищи* (С. Антонов, Разорванный рубль). Наряду с этими функциями слово *товарищ* могло употребляться в составе именной предикативной группы вместо и в значении слова *человек*. Такое употребление было свойственно прежде всего партийной и другой номенклатуре. Ср.: Он - *идейный* (*ответственный, подкованный, сознательный* и т.п.) *товарищ*. Под влиянием речи номенклатурных работников это употребление встречалось и в другой среде, набор определений при этом расширялся: Он (она) - *серьёзный* (*положительный, образованный* и т.п.) *товарищ*. У какой-то части населения оно могло быть слегка ироническим, у другой совершенно нейтральным.

В настоящее время предикатное употребление слова *товарищ* встречается (хотя, по моим наблюдениям, не очень часто) только в речи коммунистов и примыкающих к ним объединений. Ср.: *«Идейный товарищ»*, - отрекомендовала мне Надю её соратница Лена [о девушке из группы Лимонова, ударившей по лицу М.С.Горбачёва] (КП, 23.03.2000).

Таким образом, можно говорить не только о деактуализации советского употребления слова *товарищ*, но и о знаковом его характере, показателе идеологического размежевания общества в настоящее время. Это вырастает в наметившуюся оппозицию *господин - товарищ* ('пролетарий' - 'бедняк'): «Господа в иномарках ездят, а мы тут все «товарищи» (замечание в переполненном троллейбусе на обращение «господин»).

1.1.3. Человек - хозяин

Оппозиция *человек - хозяин*, недавно отчётливо определившаяся на страницах газет, иллюстрирует некий изоморфизм социальных отношений во властных структурах и преступном мире.

В настоящее время распространилось выражение, одинаково употребительное по отношению к «верхам» (в разных сферах) и по отношению к криминалу - *человек кого-то: человек Ельцина, Чубайса, Березовского* - с одной стороны - и - *человек Багирова, Япончика, Валета, Квантришвили* и др.: «Человек Лебеда» лишь облегчит задачу областного начальства отодвинуть чубайсовцев от руля городского управления (НГ, 27.06.97); Сегодня вас называют «человеком Березовского», вы не собираетесь протестовать по этому поводу? (Общ.газ., 4-10 марта 99). В Грузии почти все знали, что Георгадзе - не человек Шеварднадзе (АиФ, 40, 95); Известие о том, что Илюшенко попал в опалу к президенту, застало Генпрокуратуру врасплох. До последнего времени... «человек Ельцина» пользовался «наверху» всяческой поддержкой (КП, 13.09.95); Котелкин, Кузык, Свечников - это люди Коржакова (КП, 27.04.95); Шалва Руруа не осмелится тронуть человека Давида Гогия; ...А с Тamarой будь осторожнее. Она чело-

век Шалвы Руура; ...В Москву прилетел уже человек Рябого (Ч.Абдуллаев, Закон негодяев).

В оппозиции к *человек кого-то* находится слово *хозяин*. Оно может обозначать и мафиози, главаря банды, и главу группы людей, обладающей финансовой властью: *хозяин* - 'тот, кто финансирует газету, телепрограмму и т.п.' Впрочем, доказывать Примаков, видимо, ничего не собирается не только Доренко, но и его *хозяину* Борису Березовскому (МК, 24.11.99).

В этой оппозиции *человек* - *хозяин* оба противочлена имеют отрицательные коннотации, более всего - 'презрение'.

1.1.4. Хозяин - раб

Эта оппозиция - жуткое свидетельство появления на территории России отношений, свойственных рабовладельческому строю. Уже в 19 в., особенно после реформы 1861 г., когда крестьян уже нельзя было продавать и покупать, слова *раб*, *рабство* не употреблялись в прямых значениях по отношению к Российской действительности. На пороге XXI века слова *раб*, *работорговля*, *продать в рабство*, *купить раба* стали употребляться в самом прямом значении: Контрабанда топлива из Ичкерии - второй после *работорговли* национальный вид бизнеса [КП, 12.12.99]; Уже к девяноста седьмому году, пожалуй, во всей республике нельзя было найти села, где бы не содержались заложники - *рабы* [КП, 24.03.2000]; ...Украинец Петро Примаков, который несколько лет был *рабом* заместителя Гелаева, объяснил... [КП, 11.03.2000]; Даже государственный бандитизм кажется просто детской шалостью в сравнении с концлагерем для *рабов* под селением Итум-Киле [КП, 24.03.2000]; Здесь располагался невольничий мелкооптовый рынок - следующий пункт путешествия по «гостеприимному» Кавказу. Здесь торговцы человечинной «заказывали» у *рабодилеров* товар, сюда же привозили пленников для продажи и обмена. *Раб* стоил от 1000 рублей до десятка тысяч баксов. ...Для разъяснения *рабу* его положения требовались пара дней и несколько крепких тумачков, но обычно *хозяева* просто показывали пленнику видеозаписи пыток и отрезания голов [КП, 24.03.2000].

1.1.5. Хозяин - реализатор

Оппозиция *хозяин* - *реализатор* ('тот, кто продаёт на рынке товар, закупленный оптом по более дешёвой цене *хозяином* (-кой)') отражает особенности современного российского рынка. За последние десятилетия XX века ушли слова *спекулянт* и *фарцовщик*, имевшие в советское время отрицательные коннотации не только в официальном употреблении, но и в

речи разных носителей языка. С ними не произошло то, что за постперестроечный период происходило со многими словами: изменение знака минус на знак плюс. Они в отличие от других слов не изменили характер оценки, а просто перестали употребляться. К тому же «советский спекулянт» обычно не пользовался посредником - *реализатором*.

В оппозиции *хозяин - реализатор* ярко выраженными коннотациями обладает слово *реализатор*. Это прежде всего коннотация несвободы, зависимости, что проявляется в целом ряде рыночных диалогов. Ср.: - Девушка, а дешевле сумку продадите? - Не могу, я *реализатор*, хозяйка не разрешает уступать ('снижать цену'); - Могу уступить только десять рублей, иначе без зарплаты останусь; Что вы её уговариваете, она человек подневольный, всего лишь *реализатор*: что хозяин назначит, за то и продаёт.

Совершенно естественно, что участие слова *хозяин* в отмеченных оппозициях влияет на изменение его семантики. У определённой части населения (по разным причинам) слово *хозяин* приобретает коннотации отрицательной оценки. Ср.: У обоих были бритые затылки, угрюмый и наглый взгляд *хозяев жизни...* (Ф.Незнанский, Первая версия). При этом отрицательные коннотации могут насаиваться и на употребление, не имеющее отношения к перечисленным оппозициям: «Я, например, сама готовлю обеды, могу мужу завтрак в постель принести, это меня не унижает. - А он вам завтрак приносит? - И он. У нас нет «*хозяина*» в семье. Я слово «*хозяин*» ненавижу». (АиФ, 48, 1999).

1.1.6. *Сыщик и преступник*

Слово *сыщик* сейчас не соответствует значению, зафиксированному во всех толковых словарях - 'тайный агент, занимающийся выслеживанием, слежкой'. Это значение всегда имело отрицательные коннотации, презрительную оценку в применении к российской действительности. Ореол Шерлока Холмса, Пуаро и других литературных частных детективов этому не противоречил - они жили в другом мире. Но в последние десятилетия слово *сыщик* стало применяться к комиссару полиции (ср. телесериал «Великие сыпчики»), а в России - к следователям уголовного розыска, милиционерам, частным детективам (в прессе и в детективных романах). Появляются свои виртуальные «великие сыпчики» (Турецкий из романов Ф.Незнанского, Фандорин из романов Акунина и др.). Отсвет славы героев из мира вымысла накладывает отпечаток и на употребление слова *сыщик* в реальном мире. Естественно, что в оппозиции *сыщик - преступник* семантика противочлена снимает презрительную оценку у слова *сыщик*. Ср.: - Вот давайте-ка вспомним, как нас учили: *сыщик и преступник*. Они,

безусловно, находятся в разных лагерях. (Ф.Незнанский, Синдикат киллеров). Ср. контексты: На место сразу же выехала группа из прокуратуры и милиции... *Сыщики* без труда восстановили картину происшествия (Мир новостей, 9.12.2000); ...хозяйственные дела института сейчас особенно внимательно изучаются *сыщиками* (Сегодня, 19.12.2000); Банду грабителей ... задержали на днях ... сотрудники уголовного розыска. (По наколке на руке несчастного *сыщики* установили его личность (МК, 22.11.2000); Женщина сообщила *детективам* (там же); Сотрудник уголовного розыска УВД. За его плечами десятилетний стаж *сыщика*. Он *профессионал*. (КП, 17.11.2000).

Важно отметить, что ведущую роль в реабилитации слова *сыщик* в наше время сыграли не реальные лица, а герои из мира вымысла.

Несколько иной характер в настоящее время имеет оппозиция *сыщик* - *сыщица*: реальный денотат второго члена оппозиции пока не получил такого названия (женщины-следователи так не называются), слово *сыщица* имеет виртуальный денотат - так называют некоторых героинь детективных романов и фильмов. Ср.: «Раскрутка романов о *сыщике* Фандорине должна со временем войти в учебники как образец успешного маркетинга... Вплетение в «фандориану» новой серии с оригинальной идеей главной героини (монахиня в роли *сыщицы* - это будет покруче Мисс Марпл) - тоже грамотный и эффективный маркетинговый ход. (О.Славникова. Партия любителей П. «Октябрь» 2000, 9).

1.1.7. Журналист - читатель

О стереотипах восприятия коммуникантов в оппозиции *журналист* - *читатель* в советское время пишут публицисты, философы и лингвисты. Л.М.Майданова, опираясь на одну из теорий прессы, так характеризует отношения журналиста и читателя в тоталитарный период: «Таким образом, носитель мудрости [журналист О.Е.] и стремящийся к совершенству ученик [читатель О.Е.] выступали в довольно привлекательных образах двух собеседников: знающего и желающего знать» (Майданова 200, 83; Сяберт, Шрамм, Питерсон 1998, 26-28).

Отношения журналиста и читателя в наше время изменились: теперь читатель - «покупатель интересующей его информации», а журналист - «поставщик такой информации» (Майданова 2000, 83). А если учесть, что нередко между журналистом и читателем возникает конфликт, в котором обвиняемая сторона обычно журналист, то совершенно очевидно, что семантическая оппозиция *журналист* - *читатель* может отражать разные стереотипы мышления, и, с позиций среднего бытового сознания читателя, *журналист* нередко приобретает отрицательные коннотации: неправди-

ности, поверхности, бесцеремонности, продажности и др. Это отражается, в частности, в презрительных, недавно образованных наименованиях - *журналиюга* - *журналиюжка*. Ср.: - Иногда создаётся впечатление, что не преступники, а *журналисты* главные враги народа (Ф. Незнанский. Первая версия); ...американские СМИ не могут себе позволить иметь обозревателей типа Доренко или Леонтьева... Ещё недавно Леонтьев вдохновлённо «мочил» Березовского, а теперь тот ему свет в окошке. А завтра? Завтра его может купить другой *хозяин*. Такому журналисту просто перестают верить. А если ему не верят зрители, то он уже не нужен *хозяевам*. *Хозяевам* нужны те, кому верят (КП, 27.11.1999).

1.2. Оппозиции типа А - не-А в настоящее время также отражают разные стороны российской действительности. Рассмотрю лишь некоторые.

1.2.1. *Бюджетник* - не-*бюджетник*

Эта оппозиция содержит ряд скрытых смыслов: бюджетники - самый неблагоприятный разряд граждан: у них самая низкая зарплата, её не всегда выплачивают вовремя и т.д. Отсюда - коннотации 'незащищённость', 'униженность'. У правящей части населения коннотации, связанные с бюджетниками иные - это 'тяжкое бремя для государства,' о них, к сожалению надо заботиться, но это и несколько опасная категория, потому что бюджетников можно использовать в борьбе с правительством. Ср. высказывание вице-губернатора Ульяновской области (учителям): *Зарабатывайте сами!* Учёные, а заработать не могут! (КП, 1.03.2001). Чтобы выдержать параметры бюджета придётся опять *зажать бюджетников* (КП, 1.03.2001). Кому я действительно сочувствую, так это уклоняющимся от налогов, хотя и отношусь к ним отрицательно, потому что я *бюджетник* и с этих налогов живу («Знамя», 8, 2000).

1.2.2. *Шестидесятники* - не-*шестидесятники*

В современной прессе название *шестидесятники* может входить и в оппозицию первого типа - «шестидесятники» - «семидесятники», но чаще встречается во второй. *Шестидесятники* - это 'интеллигенты 60-х годов, романтики, часто поэты или писатели, поверившие в «оттепель», в возможность «говорить правду», но не утратившие веру в социализм.' До недавнего времени слово шестидесятники сохраняло не просто положительную, а скорее почти высокую оценку и такие коннотации как 'бескорыстие', 'преданность науке или искусству', 'молодое бунтарство'.

В настоящее время, в связи с переоценкой многих явлений прежнего былые коннотации у слова *шестидесятники* изменились. Во всяком случае в прессе. Это слово скорее олицетворяет прекраснодушных мечтателей, несколько наивных, бунтарство которых было слишком мягкотелым. Оценка проскальзывает положительно-нисходящая.

Ср.: Догадывались ли *«шестидесятники»* про себя, что всё-таки не договаривают? Не доворачивают? Не идут за некий рубеж? Наверное, догадывались - они сами себя называли детьми «полдороги». Что же они - трусили? Сейчас им ставят в вину недостаточную отрешённость от марксизма. Получается: все кругом прозрели, уже и памятники комиссарам по-брасывали, а за *«шестидесятниками»* всё вьётся пыль дороги «той единственной, гражданской». Уже берут кое-где *«шестидесятника»* за хилые грудки и допрашивают: а это с кем вы намеревались брататься? Не с ГКЧП ли?

Как же так: были кумиры, писали против, числились бунтарями - и вдруг... (КП, 2.11.91).

1.2.3. *Натуралы - не-натуралы*

Произошедшая в нашей стране сексуальная революция перевернула в сознании людей некоторые понятия. Наряду с чрезмерной актуализацией тематики в прессе, на телевидении, в кино и в художественной литературе, стало навязчиво демонстрироваться то, что раньше стыдливо замалчивалось: существование в нашей стране гомосексуалистов и лесбиянок.

Соответственно оформились и семантические оппозиции: *натуралы* (гетеросексуалы) - *не-натуралы*.

В нашей стране эта противоположность сексуальной ориентации выражается в антогонизме сторон. В целом ряде статей в шутку и всерьёз пишут о том, что «натуралы» не в моде, это люди отсталые, «непродвинутые». Ср.: Сейчас каждый третий на сцене - педик, но я не собираюсь следовать моде и остаюсь убеждённым *натуралом* (КП, 9.06.1999); «*Натуралов*» сошлют за Урал. Куда нам податься с нормальной ориентацией? (Заголовок статьи. КП, 22.01.1999); «...А если несчастный *гетеросексуал* огрызётся в ответ..., ему ехидно предлагают составить список знаменитых *гетеросексуалов*, сомневаясь, что такая сотня наберётся» (КП, 9.07.1999); Вот зашла в Internet на днях. Там то же самое. Сервер www.gay.ru над *гетеросексуалами* измывается. Говорят, что не бывает «*натуралов*», бывает слишком мало водки (КП, 22.01.99). Признаться, я сознательно заострил выступление. Надоело, что меня воспринимают как мягкого, душистого, сладкого... - Сладенький образ у меня ассоциируется,

извините, с «голубизной»), а я этого категорически не перевариваю (КП, 9.07.99).

Об отношении к гомосексуалистам говорит уже то, что в жаргоне и в просторечии они именуются рядом презрительных наименований: *гомик, голубой, педик, педрила, тидор, козёл* и др. Для лесбиянок существует жаргонное обозначение *розовые*, выражающее лёгкое пренебрежение.

Семантических оппозиций названий лиц можно отметить гораздо больше. Мы отметили лишь некоторые из тех, которые не только отражают современные явления общественной жизни, но и влияют на изменения в лексической семантике членов оппозиций.

2. Расширение значений

В некоторых работах, посвящённых семантическим процессам в русском языке конца XX века, мы уже отмечали, что в настоящее время наиболее активным процессом, приводящим к изменению значений слов, является прежде всего процесс расширения значений. Он был рассмотрен на материале освоения литературным языком жаргонизмов и некоторой другой лексики (Ермакова 2000). В этой статье кратко рассмотрю расширение значений в сфере конкретно-предметной лексики литературного языка. В ряде случаев можно наблюдать, как слово начинает применяться к разным обозначаемым, весьма далёким от прежнего денотата, который «предшествовал» слову словарно закреплённым значением. Это отмечается у некоторых названий ёмкостей, продуктов, отчасти одежды и др. Отрыв от прежнего денотата из-за постоянного расширения денотативного пространства нередко приводит к гиперонимизации значений. Так слово *коктейль* фактически стало употребляться со значением ‘смесь’ (любая), *контейнер* - ‘разного рода вместилище’; *ниша* - ‘место’ (в экономике, политике и т.д.), *контора* - ‘любое учреждение’ и т.д. Так сплошь встречаются сочетания: *креветочный коктейль, злаковый, цветовой, соляной, лекарственный, жанровый, идеологический, сосисочный* и т.д. *Ниша рынка в политической жизни, в экономике, в культуре, на телевидении, на эстраде* и т.д. *Контейнером* называют ёмкости от мусорных баков во дворах до разных мелких коробочек, пробирок, в которые что-то помещается.

3. Модные оценки в модных словах

3.1. Расслоение общества, некоторая переориентация в системе ценностей привели к актуализации определённой группы признаков слов и к развитию у них новых оценочных значений со знаком плюс. Одним из

модно-оценочных слов стало за последнее время слово *престижный*. В языке прессы, в рекламе, в устной речи это слово характеризует не только работу, профессию (ср. словарное значение 'уважаемый', 'авторитетный'), но разные дорогие и модные вещи: *машины, мебель, одежду* и т.п. Происходит девальвация оценки: компоненты 'модный' и 'дорогой' никогда не были составляющими признака «уважаемый». Ср. современное употребление: Собрать и покупать современное искусство становится *престижно* (АиФ, 19.2000); У неё много *престижных* вещей; Я не гонюсь за *престижной* мебелью Он хочет только *престижную* машину. (Устн. речь). Сегодня в Калуге открыл двери самый большой и *престижный* автоцентр по продаже запасных частей для автомобилей марки «Москвич» и «Жигули» (КП, 17.11.2000); Я имею *престижную* должность, приличную зарплату (КП, 19.11.2000).

3.2. Аналогичная картина наблюдается с употреблением слов *элитный* и *продвинутый*. Слово *элитный* сочетается с названиями самых разных реалей: *элитный клуб, выставка, ярмарка, язык, школа, гимназия, проститутка* и т.д. *Продвинутым* может быть и человек (*читатель, зритель, критик, женщина*) и пиво. За текстами такого рода скрывается некий общественный снобизм. С точки зрения «*продвинутого*» критика, иранское и гонконгское кино - это очень актуально (КП, 21.06.2001); И что там слушают молодые, *продвинутые*? (АиФ, №30, 2001). Ведь только самые *продвинутые* зрители смотрят и понимают, что к чему (АиФ, №16, 2001); ... «*продвинутость*» в вопросах секса не остановила скандала (М.Н., 4.09.01); У «*продвинутых*» Европы и Америки в приоритете социальная миссия (М.Н., 4.09.01); А.Бовин занят новым и «*продвинутым*» проектом (МК, 3.03.01); Выходит, славяне славянам рознь. Есть *продвинутые*, есть дремучие? (МК, 27.07.01).

3.3. Как уже упоминалось, произошедшая в стране сексуальная революция вызвала небывалую активизацию сексуальной тематики. Слово *сексуальный* стало высоко частотным, слово секс - в образованиях *секс-шоу, секс-допинг, секс-шоу* и т.п. превратилось в аналитическое прилагательное. Из относительного прилагательного *сексуальный* на наших глазах становится не просто качественным, а оценочным со знаком плюс.

Л и т е р а т у р а

Ермакова, О.П. (1996). „Семантические процессы“ [глава книги], *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. Отв. ред. Е.А. Земская, Москва, 32-66.

- Ермакова, О.П. (1997). „Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов“ [глава книги], *Русский язык*. Red. nauk. E. Širjaev, Orole (seria Najnowsze Dzieje Języków Słowiańskich), 121-165.
- Ермакова, О.П. (2000а). „Новые семантические оппозиции старых названий лиц“, *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Отв. ред. Н.А. Купина, Екатеринбург, 36-41.
- Ермакова, О.П. (2000б). „Новые тенденции в лексической семантике русского языка конца XX века“, *Russistik - Русистика*, № 1-2, 60-75.
- Крысин, Л.П. (1989). *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*, Москва.
- Купина, Н.А. (1995). *Тоталитарный язык*, Екатеринбург-Пермь.
- Купина, Н.А. (1999). *Языковые сопротивления в контексте тоталитарной культуры*, Екатеринбург.
- Майданова, Л.М. (2000). „Газетно-публицистический стиль: метаморфозы коммуникантов“, *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Отв. ред. Н.А. Купина, Екатеринбург, 80-97.
- Сиберт, Ф.С., Шрамм, У., Питерсон, Т. (1998). *Четыре теории прессы*, Москва.
- Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация* (2003), Отв. ред. Л.П. Крыси, Москва.
- Шапошников, В.Н. (1998). *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*, Москва.
- Lehfeldt, W. (2001). «Язык советской эпохи» или «новояз»? *Russian Linguistics* 25, 243-253.
- Markowski, A. (1992). *Polszczyzna końca XX wieku*, Warszawa.
- Zybatow, L. (1995). *Russisch im Wandel (Die Russische Sprache seit der Perestrojka)*, Wiesbaden.

Условные сокращения:

АиФ – Аргументы и факты

КП – Комсомольская правда

МК – Московский комсомолец

МН – Московские новости

НГ – Независимая газета

Общ. газ. – Общая газета

Ож. и Шв. – Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. (1994), Толковый словарь русского языка, Москва.